

Елена Чиркова
... но я снова туда хочу

«Иностранец», 24 ноября 1993 года

Когда мне позвонили из американского посольства и сказали, что я выиграла конкурс и получила стипендию имени Бенджамина Франклина, я скорее испугалась, чем обрадовалась — учиться предстояло под Лос-Анжелесом, а ведь это на противоположном краю Земли. Но размышлять некогда — приглашение выдано самим посольством от имени Американского Информационного Агентства, которое, в свою очередь, руководит программой, спонсируемой Конгрессом. Виза получена в два дня, и вот я уже в Клермонте — городке в часе езды от Лос-Анжелеса. Для русского человека Клермонт — деревня. Практически все дома частные, одноэтажные, с садикиими-огородиками. Кое-где на клумбах растет свекла, но не для еды, американцы думают, что у неё красивая ботва и свекла вполне сойдет за цветок. Здесь живут очень состоятельные люди: частный дом, да еще в Калифорнии — признак богатства. Главным образом, пенсионеры из интеллигенции (она, естественно, высокооплачиваемая) и executives из Лос-Анжелесских фирм. Их дома охраняются особо: все проходящие (точнее проезжающие — пешком в Калифорнии не ходят — но об этом после) снимаются на камеру, причем об этом висит предупреждение. Мера, по-видимому, превентивная.

Меня сначала, пока я не акклиматизировалась и не нашла квартиру, селят в дом бабушки Эммы — врача на пенсии. Для старушки принять меня — это добровольная общественная работа. В американских семьях дети, как правило, с родителями не живут, и бабушки внуков не нянчат. Поэтому многие пенсионеры спасаются от одиночества, пока позволяют силы, общественной работой, а потом сами сдают себя в дом престарелых. Туда они идут с радостью. Индивидуализм в Америке развит настолько, что старики не хотят чувствовать себя зависимыми даже от собственных детей. Впрочем, это среди белых. У многих национальных меньшинств сохраняются сильные семейные традиции. Когда я позднее оказалась в Сан-Франциско, меня поразило: город почти наполовину китайский, бездомные на каждом шагу, но среди них ни одного китайца. Потом объяснили: китайца, попавшего в беду, всегда приютит родственник, а белый в аналогичной ситуации может быть вынужден поселиться на улице.

На следующий день Эмма уже величает меня «мой хороший друг из России». Она употребляет слово friend, которое традиционно переводится как «друг», но постепенно я начинаю понимать, что friend — это скорее приятель, знакомый, а русское «друг» на английский непереводимо. «Язык — дом бытия» (Мартин Хайдеггер).

Первым делом Эмма тащит меня к своей приятельнице смотреть ее индейскую коллекцию. Та долго говорит об обычаях индейцев, показывает засушенные початки кукурузы и другие мелочи и подводит к портрету индейца на стене. Он в полуголый, на голове — оперение. «Правда, совсем как русский?» — спрашивает хозяйка коллекции, и мне не кажется, что она шутит. Потом речь заходит о России и почему-то о Сибири. Неужели я там бывала? Это вызывает удивление. Как, в гостях у дяди? Что он там делает? Неужели работает? Разве там есть города? Разве там есть заводы? Разве там живут люди? На меня смотрит огромный глобус. Он стоит тут, наверное, лет пятьдесят. Красноярск, где живет мой дядя, — в аккурат большим жирным в центре Сибири. Она каждый день стирает с глобуса пыль. Через пару месяцев я выясняю, что для многих, живущих в Калифорнии, мировая география заканчивается географией Калифорнии. Синтия, моя соседка по квартире (между прочим, аспирантка) приходит с лекции о Сербии. Она ничего не поняла. «Я слышала слово “Сербия” раньше, — говорит Синтия, — но я не знаю, где это — в Африке или Азии». Когда я была совсем маленькой, мне попала книжка Пескова и Стрельникова о Соединенных Штатах. Они писали, что американские

студенты, когда из просили назвать пять республик Советского Союза, говорили: «Москва, Сибирь...». Я думала тогда, что это антиамериканская пропаганда.

Наконец-то я на факультете. Учебное заведение называется Клермонт Грэдьюэйт Скул, что можно перевести как Клермонтская Аспирантура. Для русского уха звучит странно. Но американская система образования совсем не похожа на нашу. Сначала школа. Если родители хотят дать ребенку хорошее образование, то они отдают его в частную школу. Но доступно это далеко не всем. Во-первых, дорого даже для профессорской семьи, если в ней больше одного ребенка. Во-вторых, в отдаленной сельской местности ее может просто не быть.

Государственная школа бесплатная, как и у нас, но отличие в том, что много спортивных занятий, в двенадцать дети уже дома, по субботам не учатся, поэтому грамматику, например, не изучают. Времени нет. Да и не нужна она, грамматика для жизни. Если ты хочешь быть писателем или журналистом, поступай в университет, там объяснят, чем отличается прилагательное от существительного. Спрашивать, у рядового выпускника американской школы, что такое прилагательное — бесполезно. У него нет находчивости нашего Митрофанушки, который сообразил, что дверь — прилагательное, потому что она прикладывается к своему месту. Зато изучают правописание. Есть такой отдельный предмет — не английский язык, а правописание. Мой преподаватель по микроэкономике объясняет задачу, в которой волы выращивают на мясо и кожу. На экзамене (по экономике!) среди прочих вопрос «Что такое вол?» Ответившим дают два очка (из ста возможных).

После школы идет колледж. Это четыре года обучения. Если принять во внимание уровень школьной подготовки, то выпускник американского колледжа — это примерно окончивший наш техникум. По окончании колледжа дается первая ученая степень — бакалавра. Дальше — аспирантура. Американские аспиранты посещают занятия, как и студенты. Еще один-два года занятий (чем лучше учебное заведение — тем дольше), и получают степень магистра. Следующие 2–3 года приносят докторскую степень. Наш диплом о высшем образовании — чуть выше их бакалавра и ниже магистра. Наша кандидатская — чуть ниже их докторской степени (в каждой дисциплине по разному, например, кандидатская по математике или физике может котироваться выше, чем их докторская, а по юриспруденции и медицине не признаваться вообще). Университетом или институтом называется некое сочетание колледжа и аспирантуры в одном учебном заведении, но бывают и отдельно стоящие аспирантуры, как в Клермонте. В нем пять колледжей и аспирантура. Учась в одном, можно слушать курсы в любом другом заведении (для степени они зачтутся).

Для получения любой степени нужно прослушать определенное число курсов. Лишь часть из них обязательные, остальные — по выбору. Один и тот же курсы бывают разной степени сложности. Этим градаций очень много — 7–8. Учебники же бывают трех степеней — вводный, промежуточный и продвинутый. Обычно студенты за время своей учебы изучают один и тот же предмет несколько раз — на разном уровне.

Моя программа не предусматривает получение степени, поэтому я могу выбирать, что душе угодно. Рекомендуют записаться на два-три курса (мол, иностранка, будет трудно). В Америке аспиранты обычно в семестр берут три-четыре курса, студенты — шесть. Для нас это опять не привычно, ведь курс — это две наших пары раз в неделю плюс подготовка. Получается, что в МГУ на экономическом факультете, где я училась, было примерно девять американских курсов в семестр, и никому не казалось много. Но здесь почти все студенты работают. Записываюсь на пять.

Нет нашего разделения на лекции и семинары. Форма преподавания зависит от числа студентов, записавшихся на курс. Много — лекция. Но по ходу можно задавать любые вопросы. Мало — в общем-то тоже лекция, камерного характера. Немногие из преподавателей спрашивают студентов. Во-первых, текущий контроль нужен в меньшей степени. В среднем, чем лучше ты учишься, тем меньшую долю платы за обучение

платишь сам. А цены высоки. В Клермонтской аспирантуре около 15 тысяч в год. В Гарварде, естественно, больше. Во-вторых, грешно заставлять студентов, которые зарабатывают себе на учебу мытьем посуды в столовой или берут займ, который потом выплачивают 10 лет, заставлять за их же деньги выслушивать коллег-студентов. Даются домашние задания, проводятся обычные контрольные, которые потом учитываются в итоговой оценке. Положительных оценок девять.

Не чувствую себя занятой, поэтому много путешествую. Первым делом в Пасадину, к своим друзьям Мише и Оле, с которыми мы учились вместе в МГУ. Теперь они аспиранты Калифорнийского Технологического Университета, входящего в десятку лучших в США. Миша тянет меня в большой дорогой магазин, где на самом видном месте висит то ли разрисованная фотография, то ли сфотографированный портрет благопристойного многодетного семейства. Это образец. Долларов за 500 вы можете заказать такой же и повесить в гостиной. Миша показывает портрет всем. Он стоит того.

Едем в Лос-Анжелес. Непременно в обеденное время. Служащие офисов выползают съесть свой ланч, и город кажется живым. В любое другое время он вымерший: стоят дома и ездят машины, пешеходов нет. Даже жутковато.

Машина есть у всех. Без нее прожить невозможно. В Клермонте все магазины вынесены за город. Пешком не дойдешь. Да и тротуаров для пешеходов нет. Общественный транспорт практически отсутствует. Ездят в нем в основном нищие и бездомные. Изредка садится средний американец, чтобы не платить за парковку.

Меня преследует бездомный. Кажется, что хочет либо познакомиться, либо ограбить. Я бросаю банку из-под коки в мусорный бачок и захожу в магазин. Оказывается, он преследовал банку, а не меня. Банка исчезает в его мешке. Две банки можно сдать за пять центов. Вообще-то, он должен получать пособие, и немалое. Но из бездомных по статистике только треть нормальные люди, оказавшиеся в критическом положении. Треть наркоманы — им пособия не хватает. Треть сумасшедшие — некоторые из них просто могут не знать, что пособие полагается и где его получать. А банка — вот она. Сумасшедших на улицах много. Нагрузка на индивидуальную психику здесь выше, государство больных бесплатно не лечит и в больницах не содержит.

Бездомные вещи хранят в тележках, которыми пользуются в супермаркете, ночуют прямо на улице. В южной Калифорнии их особенно много. Лос-Анжелес находится примерно на широте Касабланки. Здесь тепло круглый год. Сезон дождей всего один месяц. В дождь на ночь открывают государственные школы, чтобы бродяги могли переночевать в тепле. Бомжи со всей страны стекаются сюда, если могут раздобыть денег на переезд, и не привязаны к конкретному месту, например, выдаваемым по месту регистрации пособием. У них что-то вроде прописки — бездомный зарегистрирован в определенном городе или районе, где он может стать в очередь на получение места в ночлежке. Местным властям ночлежки строить не выгодно. Если они расселят своих бездомных, то она очищенную территорию стекутся новые, ведь где меньше попрошаек, можно собрать больше милостыни.

Законом не запрещено жить на улице в любом приглянувшемся месте. Согнать бездомного со скамейки — нарушение прав человека, поэтому они ночуют и прямо у Белого дома. Но в Клермонте бездомных нет. Миша наблюдает такую сцену: на улице Клермонта обосновался новенький, пришел осваивать благодатную территорию, но к нему подошел полицейский и попросил уехать в Сан-Бернардино. «У вас там друзья, а здесь вам будет одиноко», — говорит полицейский. Это не приказ, а просьба. Полицейский останавливает автобус и просит не брать денег за проезд. Бесплатно можно и прокатиться — решает несостоявшийся новосел. Сан-Бернардино — один из самых бедных городов в Калифорнии и один из самых криминогенных в США.

В разгаре предвыборная компания. Клинтон на экране гораздо чаще чем Буш. У Буша нет денег. Основные средства для предвыборной компании дают профсоюзы. Буш проводил антипрофсоюзную политику и не получил поддержки. Профсоюзы в США

очень сильны. У каждого отраслевого профсоюза в центре Вашингтона здание побольше нашего ВЦСПС. В целом для экономики деятельность профсоюзов вредна. Буш знал, что не получит денег, но политики не изменил. Лос-Анжелес Таймс — явно продемократическая газета. Пишет, что при Буше вырос дефицит федерального бюджета, а при Клинтоне — расходы бюджета штата на социальные нужды (Клинтон губернатор Арканзаса). Но ведь это две стороны одной медали — чем больше расходы, тем больше дефицит при тех же налогах. При Буше социальные расходы из федерального бюджета тоже возросли. Пишут, что при Клинтоне в Арканзасе выросло среднее благосостояние (в процентах). Приводят данные за десять лет. При Буше благосостояние упало. Цифры за два года. Данные абсолютные. Но постойте! За два последних года оно упало и Арканзасе — кризис. А в абсолютных цифрах оно много меньше, чем среднее по стране. Арканзас — один из самых бедных штатов в США. Рассчитано на невдумчивого читателя. Такая конкурентная борьба законом не запрещена, ведь информация не искажается, а форма подачи может быть любая.

Вся Америка знает, что Клинтон изменял своей жене Хилари. Сенатору Харту это стоило предвыборной компании. Но эта парочка и из супружеской неверности сделала себе карьеру. Они прилюдно помирились, он раскаялся, она простила, и символизируют теперь счастливую семью, преодолевшую трудности. Хилари похожа на Раису Горбачеву. Будучи юристом, она зарабатывает в шесть раз больше, чем ее муж-губернатор, ей он обязан своей карьерой.

Демократы сделали большие успехи в предвыборной борьбе за последнее время. В США для того, чтобы участвовать в выборах, нужно задолго до них зарегистрироваться в качестве выборщика. Идеи демократов популярны в основном низших слоях общества (и продвинутой интеллигенции, но ее мало). Эти люди обычно не ходят регистрироваться. Демократам удалось провести законопроект, по-которому все, регистрирующие транспортное средство, автоматически становятся выборщиками. А транспортное средство есть у каждого. Теперь за демократов может проголосовать любой. Если вам лень тащиться на избирательный участок, к вам придут домой — только проголосуйте.

Клинтон побеждает. Калифорния — продемократическая. Здесь хорошая социальная защита. Ждут, что при Клинтоне будет еще лучше. Везде плакаты «Клинтон заботал». Через неделю все магазины завалены мемуарами Хилари.

Собираюсь в Сан-Франциско. Все говорят, что это самый красивый город в Штатах. А один знакомый студент, считает, что лучший в мире. Вторым идет Париж. Париж, конечно, ничего, но не сравнить с Сан-Франциско. Американцы так любят Америку.

Вечером в отеле включаю телевизор. Программа новостей. Первая новость — команда Университета в Беркли выиграла матч по баскетболу. Вторая — президент Клинтон встретился с президентом Ельциным в Ванкувере.

В Сан-Франциско есть огромный аквариум. Он сделан в форме кольца. В центре стоят люди, а по кругу по узкой длинной трубе носятся на огромной скорости рыбы. Кажется, что они торопятся выбраться отсюда в открытый океан. Одна уже поняла, что плыть, куда и все, бесполезно и плывет в противоположную сторону. Мой местный знакомый говорит, что здесь всегда есть одна рыба, которая плывет в другую сторону.

Всех стипендиатов Бенджамина Франклина собирают в Вашингтоне на семинар. Нас 150 человек. Между тем мы уже стипендиаты Эдварда Маски. Программа сменила имя. Почему, никто не знает. Ходят слухи, что поскольку Франклин уже ничем нам помочь не может, а Маски — ныне здравствующий видный политический деятель, бывший министр иностранных дел. Прием в Госдепартаменте США. Приходит сам Маски произнести речь. Первый ряд просят не занимать. Оказывается, его займут родственники оратора. Они собрались все. Это очень престижно — когда твоим именем при жизни называют стипендию. Маски признается, что в подготовке программы не участвовал, но теперь будет в курсе. «Для меня это большая честь», — говорит он.

Потом ужин. Мне в принципе не нравится американская еда. Вернувшись в Клермонт, я рассказываю своему русскому знакомому, что был безумно красивый стол. Красная рыба сверху покрыта тончайшими прозрачными колечками огурца. Эта прозрачность в сочетании с зеленой корочкой делала их похожими на чешуйки. Я полчаса описываю эту рыбу, но признаюсь, что... невкусно. Мой знакомый отвечает, что, пока я рассказывала, все время терпеливо ждал, чтобы спросить: а было ли вкусно?

Экскурсия по ночному Вашингтону. На троллейбусе. Водитель-экскурсовод. Подъезжаем к мемориалу Линкольну. Он похож на Парфенон. Водитель говорит, что это уменьшенная копия Парфенона и есть. При входе на стуле сидит Линкольн. Вообще-то Парфенон — от греческого «парфена», что значит девственница. Парфенон — храм для девственниц, где они исполняли свои обряды. Не понимаю, зачем нации нужно было посадить в храм для девственниц своего лучшего президента.

Утром семинары. Выступают экономисты и бизнесмены. Один рассказывает об инвестиционном климате в России. Очень негативно. Ничего-то у нас нет. Все плохо. России нужно смягчить условия, снизить налоги, позволить вывозить прибыль и так далее. Приводит пример из нефтяной отрасли. Говорит, что в «Нижневартовскнефтегазе» за год сто иностранных делегаций, но ни одного контракта. Я работаю в этой области, примерно в курсе дела и отвечаю на вопрос: «Нижневартовск» — третий в мире частный производитель нефти, причем если первый («Шелл») собирает по капле со всего света, то Нижневартовск добывает на одном пятачке. Спрашиваю, за кем будущее, кто будет диктовать условия — «Нижневартовск» или сто иностранных делегаций? Только после этого он произносит слова «взаимная выгода». Все очень политизированно и очень по проамерикански. Мы все-таки русские.

Возвращаюсь в Клермонт. У нас по четвергам так называемые «ланч и разговор». Ланч почти бесплатный, поэтому собирается много народу, в это время кто-то говорит, например о том, как США стремятся разрешить конфликт в бывшей Югославии. Похоже на наше комсомольское собрание. Только за демократию и американскую политическую систему. Общество идеологизировано не меньше нашего времен Брежнева. Но все добровольно. На экономическом факультете нас когда-то учили тому, что капитализм был эффективнее феодализма, потому что экономическое принуждение эффективнее прямого, внеэкономического, по-простому — пряник лучше кнута. Полное ощущение, что это Советский Союз, только бесплатные пряники.

Приезжает Бродский. Народу собирается немного. Меньше, чем на лекцию зимбабвийского писателя о проблемах СПИДа на его родине. Потому что бесплатно не кормят. Тема лекции «Поэзия и национализм». Ясно, что навязана организаторами. Бродский на эту тему говорить не хочет, ограничивается тремя фразами типа: национализм и поэзия не имеют ничего общего, поэзия наднациональна, сам Пушкин никогда не считал себя национальным поэтом. Любезно соглашается ответить на вопросы. Об Америке говорит только одно: это страна, которая дала мне гражданство. Его пытаются склонить к разговору на еврейские темы. Он резко пресекает: «Ни о жизни евреев, ни о израильской литературе я ничего не знаю».

У нас интернациональный банкет. Ужин и концерт художественной самодеятельности. Певцы фальшивят, танцовщицы еле-еле передвигают стокилограммовые туши. Для Америки это нормально. Здесь люди раскованы и не стесняются. Они же не профессионалы. Каждый имеет право на самовыражение. Демократия.

Мне уже давно кажется, что оборотная сторона демократии — непрофессионализм. Как-то наткнулась по телевизору на ток-шоу с толстыми — 150 килограмм и больше. Один юноша рассказывает, как наблюдал однажды в баре за танцем таких женщин, и смотреть было «забавно». На него тут же обрушивается поток критики. Одна толстуха говорит: «Я не потому не танцую, что мне кажется это уродливым, просто у меня есть другая работа». Выступает мальчик, который похудел на 50 килограммов, когда понял,

что он не такой, как все, что он не может пойти в поход с классом — его мучает одышка. И тут же интервью у двух сестриц, одна из которых не помещается в 60 размер. «Мы — не разлей-вода, — говорит она. — Куда моя сестра, туда и я, мы абсолютно одинаковые». «Наше общество приветствует все размеры и все формы», — заключает ведущий.

На улицах удивительно много уродливо толстых, безобразно одетых. Например, мужчина может надеть тренировочные штаны из байки в цветочек. Преподаватель приходит на лекцию в шлепанцах на босу ногу — жарко ведь. Другой ведет занятия с любимой собакой — она молча лежит в углу весь семинар. Китайцы протестуют. По их обычаям, животное не может находиться в доме. Феллини нужно было приезжать сюда снимать свои фильмы.

Забастовка черных студентов. Они возмущены, что среди преподавателей мало черных и требуют пропорционального представительства. Им хочется, чтобы их учили черные. Белые утверждают, что в США дискриминация наоборот. Если на одно и то же место, например, официанта, подали двое — белый и черный — и владелец ресторана взял белого, то черный в праве подать в суд, и владелец ресторана должен будет доказать, что у белого выше квалификация и больше опыт. Получается, что у черных презумпция невиновности. Моя картинная хозяйка Энн работает учительницей в школе. Она говорит, что в школе черным завышают оценки, потому что их родители могут быть очень агрессивны.

Я дружу с Майком — негром с Ямайки. Он умница. Президент интернационального клуба, философ и теолог. Собеседника приятнее его не найдешь. Он говорит, что учился в Атланте, но перебрался сюда, потому что там над ним издевались. Пошел как-то в гости к богатый район к другу. Подошел полицейский и велел убираться. Пришлось вернуться домой и позвонить другу, чтобы тот его встетил. «Я был очень хорошо одет, кроме того, я — иностранец», — говорит Майк. Майк рассказывает, что негры в США до 60-х годов были практически лишены избирательного права, что, в общем-то известно, но за право голосовать нужно было платить немалые деньги — этого не знала. Я отвечаю, что если бы он жил в Советском Союзе, то мог бы бесплатно участвовать в выборах, правда, из одного кандидата.

С демократией здесь не все так гладко, как теперь, когда Америка стала лучшим «другом» Советского Союза, хотят представить наши средства массовой информации. Полицейских, бывших Родни Конга, что вызвало волнения черных в Лос-Анжелесе, судят. Но во время этих волнений пострадало более 50 человек, но арестованы только двое черных. А было опасно. Мои друзья Миша и Оля были дома во время волнений. «Было действительно страшно, — говорит Оля, — я лежала на полу, чтобы моя голова не была не была видна из окна, потому что в округе стреляли. Разграбили многие витрины». Недавно десятки людей, включая женщин и детей, пострадали при деблокировании дома, где засели члены секты «Дети Давидовы». У нас в новостях ни слова. Раньше бы неделю повторили в каждой программе «Время».

У Энн в школе ЧП, Негр избил до полусмерти индейца. Его осудили, но не посадили. Мест в старых тюрьмах не хватает, а новых не строится. Для того, чтобы построить тюрьму, нужно чтобы за строительство проголосовали местные жители. Быть соседями уголовников, даже содержащихся за колючей проволокой, желающих нет.

Еду в Бостон, там моя приятельница, учится по этой же программе. Бостон очень красивый и по американским понятиям старый город. Старше Петербурга. Считается интеллектуальным центром Штатов. Здесь Массачусетский Технологический Институт, Гарвард, Бостонский симфонический оркестр. Хочется пойти на концерт. Почему-то кажется, что либо нет билетов, либо за них нужно отдать полстипендии. Ничего подобного. Билет стоит всего 6,5 долларов, если они не распроданы и вы покупаете прямо перед концертом. Знаменитый оркестр. Знаменитый дирижер — Озава. Но зал полупустой. Причем заполняется с задних рядов — они забиты, а спереди никого — билеты много дороже. У нас до этого пока еще не дошло. Многие почему-то не

раздеваются, сидят в плащах и пальто. После концерта от филармонии отъезжают многочисленные автобусы с надписями «дом престарелых». Это была основная публика в зале.

Идем в картинную галерею. Художественные музеи в Америке хороши, что в Лос-Анжелесе, что в Вашингтоне, что в Бостоне. В Чикаго и Нью-Йорке, говорят, тоже, но я там не была, не видела. Каждая уважающая себя картинная галерея хочет иметь по крайней мере по одной картине всех великих художников. Бостонской не повезло в с Леонардо да Винчи. Смотрю, в итальянском зале какая-то необычная картина. На фоне мусульманского города едет по пустыне на лошади араб. И подпись: «Леонардо да Винчи». Совсем не в его стиле. Читаю аннотацию. Оказывается, он сделал копию с картины некоего арабского художника, потому что в какой-то массовой сцене на большом полотне ему нужно было изобразить араба. Никогда не знала, что если копия сделана более известным художником, то она становится его картиной.

Заходим в ресторан. Мне достается мясо с картофельным пюре из нечищенной картошки. Американцы очень практичны. Несколько лет назад шумела статья, что в шкурке много полезных веществ, и теперь вся Америка шкурки съедает. Это в России в Макдоналдсе вам предложат только жареный картофель. В Америке вы можете заказать запеченный в кожуре. Приносят счет. Нам он кажется больше, чем следовало бы. Официант пересчитывает и извиняется — «кто-то» запустил в компьютер лишние булочки и сок. Причем в счете их нет, они появляются лишь в сумме — а ведь это специально нужно программировать, чтобы кассовый аппарат мог так работать! Теперь их вычитают, и сумма равняется слагаемым. Прием понятен: иностранки на туристской улице, не постоянные клиенты, они не заменят, заплатят, уйдут, можно будет вычесть потом, в компьютере будет порядок, а разница пойдет официанту. Я методично отсчитываю 19 долларов 69 центов, чаевые не дам. Моя подруга стесняется. Всем известно, что в Америке не воруют, а случайно ошибаются, поэтому не дать чаевые не удобно. Я рискую с ней поссориться. Но вечером она радостно рассказывает всем знакомым, как мы вовремя увидели «ошибку», официант был посрамлен, а нам без чаевых обед стоил дешевле.

В принципе в Америке воруют как у нас. В супермаркетах иногда цена в компьютере отличается от цены на прилавке в большую сторону. Обычно вы нагружаете целую тележку и цен не запоминаете. Думаете, что покупаете по одной цене, а платите другую. Кассир лично никогда не виноват, компьютер ошибся. Здесь воровать морально легче. Воровство обезличено.

Моя хозяйка Энн преподает русский, говорит, что ее первым учителем был Набоков. Это не так. Все знают, что она училась у русского эмигранта, ушедшего из России еще с Врангелем. Я с ней откровенна. Говорю, что меня поражает меркантильность американцев. Энн обидно за нацию. Она уверяет, что остальные американцы не похожи на южных калифорнийцев. Это я уже слышала. Вашингтонцы твердили: «Не судите о них по нам, они там в Калифорнии даже отделиться хотят и быть независимым государством». Ярых сторонников отделения здесь нет, но то, что вы в Калифорнии, а не вообще в США всегда подчеркивается. В Лос-Анжелесе вы не услышите даже фразы «у нас в Калифорнии», говорят «у нас в Южной Калифорнии», в Сан-Франциско скажут «у нас в Северной». Только самим американцам видна разница в менталитете калифорнийцев и остальных американцев. Для меня они настолько отличны от нас и похожи друг на друга, что я этой разницы не чувствую.

Энн устраивает званый обед. Она хочет показать мне, что американцы очень духовны. О себе ей говорить не удобно, поэтому она приводит в пример своего сына, который художник и специализируется на рисовании птиц. Весь дом в его картинах. Еще она зовет на обед кого-нибудь, кто кажется ей очень интеллектуальным. На этот раз это Майк, аспирант с философского факультета. Он подрабатывает учителем. На философском пишет диссертацию, связанную с трактованием Библии. Знает многие древние языки. Спит по шесть часов в сутки. Майк говорит, что у них на факультете есть

действительно очень хороший профессор. Он занимается формальной логикой и любой текст может представить в виде логических схем. Профессор не любит европейскую философию, в особенности Хайдеггера. Его почти не читал и читать никогда не будет — Хайдеггер, по его мнению, философ никчемный, потому что не поддается формализации. Слава богу, я изучаю здесь экономику.

Майк рассказывает о своем любимом философе. Имени не помню. Американец. Его основная идея состоит в том, что для создания по-настоящему демократического общества необходимо, чтобы было как можно больше разных объединений по интересам, чтобы каждый член общества мог проявить себя и найти единомышленников. Я не против клубов по интересам, но этой глубокой сентенцией Майк окончательно подводит Энн и портит о себе впечатление.

Оля решает вести меня и Мишу в Лас-Вегас. Он близко. Мы сможем почти бесплатно провести уик-энд и отдохнуть. Чтобы поиграть в казино, нужно ехать именно в Вегас. В Калифорнии азартные игры на публике запрещены законом. Играть в общественном месте считается чем-то постыдным, все равно что прилюдно пописать. Поэтому есть Вегас — специально отведенное место в пустыне, где это можно делать в открытую. Сначала Вегас был единственным в США, но сюда далеко с Восточного побережья, поэтому там возник свой центр, где разрешены азартные игры — Атланта.

В Вегасе все безумно дешево. Хороший номер с двумя двуспальными кроватями в гостинице — долларов сорок в сутки. Вход в ресторан — шведский стол, где одних мясных блюд — пять-семь на любой вкус и все известные природе фрукты, — три доллара. Лас-Вегас привлекает публику дешевыми отелями (не плохими, а именно дешевыми) и демпинговыми ценами на еду в расчете на то, что публика оставит свои деньги в казино. Вопреки распространенному мнению, это центр семейного отдыха. Здесь есть отель «Дворец Цезаря», где по потолку в форме небосвода ходит солнце, а посетителям прислуживают молоденькие мальчики в туниках. Здесь есть остров — вулкан в океане, извергающийся каждые четверть часа. Здесь гуляют по клетке белые тигры. Строится пирамида Хеопса и остров сокровищ, где будет разыгрываться настоящая битва. Мы живем в отеле «ЦиркЦирк» (CircusCircus), он назван так потому, что на первом этаже здесь казино, а на втором выступает цирк. Пока папы и мамы играют в рулетку, их чадо смотрит представление или развлекается на многочисленных детских аттракционах.

Главные отели на одной улице. Она тянется километров на пять. Все первые этажи занимают казино. Огромные залы. Одновременно играют десятки тысяч человек. У автоматов железные поддоны, куда сыпется выигрыш. Стоит звон монет. Ты проигрываешь (в среднем, все естественно проигрывают), но рядом жужжат сыплющиеся монеты, и возникает азарт. Вегас рассчитан на коллективистскую психологию. Создается чувство причастности к выигрышу соседа, и хочется играть самому. Между прочим, люди приезжают сюда не выиграть, а получить удовольствие. Все знают, что они проиграют и рассматривают проигрыш как нормальную плату за развлечение, что типа покупка билета в театр. Человек, игравший в Вегасе, никогда не пойдет в казино у нас, переделанное из бывшей булочной, где стоит десяток автоматов и горстка жадных до денег пытается урвать куш.

Лас-Вегас в Неваде. Здесь официально разрешена проституция. Но не в самом городе. Поэтому зазывающих девушек вы тут не встретите, но прямо на тротуарах разложена бесплатная рекламная продукция: открытки и даже целые книжки с портретами и телефонами. Дамы на любой вкус. Мы знакомимся с содержимым. Почему-то активнее всего рекламируют себя женщины за сорок. Они пишут это в рекламе. Интересно, почему? Оля говорит, что дело в опыте. Мне кажется для того, чтобы клиент впоследствии не разочаровался, а Миша делает предположение, что со зрелой женщиной мужчина в возрасте чувствует себя комфортнее.

Мне скоро домой. Я считаю дни. Зачеркиваю их в календаре. Я хочу быстрее выбраться отсюда. Я улетаю на следующий день после последнего экзамена, не успев

попрощаться. Мне кажется, что я никогда не захочу сюда снова. Я надеюсь, что Россия не станет похожа на Америку. Я снова дома. Но я удивляюсь себе — мне снова хочется обратно. Придется выиграть еще какой-нибудь конкурс. Есть такой анекдот времен Брежнева: Мойша просится в Израиль. Ему в СССР плохо. Его выпускают. Через месяц он просится обратно. «Мне там плохо», — говорит Мойша. Его впускают. Не проходит и полгода, и Мойша снова пришел за визой. «Это невозможно, Мойша. Вам здесь плохо, вам там плохо. Где же вам хорошо?» «А на пересадках в Париже». Моя пересадка была в Риме.